

Едва ощутив тонкий аромат сливы, Ци Лянь откусила кусочек пирожного, и запах стал значительно насыщеннее, но при этом сохранил свою изысканность. Только что испечённое, оно было невероятно мягким, напоминая по текстуре нежные рисовые шарики. Внутри находилась измельчённая паста из фиников, которая уже успела слегка просочиться наружу под воздействием пара. Сделав несколько укусов, Ци Лянь почувствовала, как аромат сливы смешался с насыщенным запахом фиников, создавая гармоничное сочетание: слива становилась выразительнее, а финик терял свою приторность.

Ци Лянь быстро доела пирожное, которое Цзян Жань держала для неё, и не скупилась на похвалу:

— Пирожные «Цветок сливы» часто бывают во дворце, и добавление финиковой пасты — не новшество. Но как ты умудряешься делать их такими вкусными? Вроде бы ничего особенного, а результат просто восхитителен!

Цзян Жань улыбнулась, глаза её сверкнули:

— Если нравится, ешь ещё. Вот, возьми.

Она поднесла Ци Лянь ещё один кусочек. Та, слегка смутившись от такой заботы, медленно съела его, после чего мягко улыбнулась:

— Больше нельзя, иначе ты превратишь меня в поросёнка.

Цзян Жань пробормотала:

— Пусть лучше будет поросёнком.

Всё же лучше, чем видеть её такой хрупкой и слабой.

Ци Лянь услышала её слова и с лёгкой грустью ответила:

— А ты всё ещё захочешь быть моей девушкой, если я стану поросёнком?

Цзян Жань хитренько улыбнулась:

— Конечно! Если я вырастила поросёнка, то буду держать его в своих объятиях, даже если придётся плакать.

И, поймав момент, она сунула ей ещё один кусочек.

На этот раз рот Ци Лянь был полностью занят, и, несмотря на желание возразить, она не могла произнести ни слова.

Цзян Жань, видя её растерянность, рассмеялась:

— Ты должна быть благодарна. Какая ещё девушка будет готовить для тебя, приносить всё прямо к тебе и ещё и убирать за тобой? Твоя единственная задача — есть, и даже с этим ты не справляешься?

Ци Лянь, закончив жевать, потянулась за водой, и Цзян Жань тут же подала ей чашку. Сделав несколько глотков и поставив чашку на стол, Ци Лянь с ещё большим смущением произнесла:

— Тебе не нужно так... так заботиться обо мне.

Раньше Цзян Жань не была настолько внимательной.

Цзян Жань, заметив её серьёзность, осторожно посмотрела на неё:

— Тебе не нравится?

Ци Лянь покачала головой:

— Не то чтобы не нравилось. Просто...

— Просто что?

— Позволь мне рассказать тебе историю.

Рассказать историю? Цзян Жань кивнула, выражая готовность слушать.

Ци Лянь задумалась, словно подбирая слова:

— Когда-то была медведица, которая потеряла троих детёнышей, но затем у неё родился четвёртый.

— Почему она потеряла первых троих?

Если делить слушателей на типы, Цзян Жань, несомненно, была из тех, кто вечно перебивает. Она никогда не могла дослушать историю до конца, потому что у неё всегда находились вопросы.

Ци Лянь не растерялась:

— Потому что другие медведи тоже хотели оставить своих потомков. Поэтому медвежата всегда были в опасности, их часто убивали взрослые самцы. Вначале многие медведицы не имели опыта, и первые детёныши редко выживали.

— Звучит как мир дикости.

— Да. Там всегда царила жестокость, но материнский инстинкт медведицы был силён. Она изо всех сил старалась защитить своего четвёртого детёныша.

— И что случилось потом?

— Позже медвежонок получил травму. Когда он следовал за матерью на рыбалку, его заметил взрослый самец, ударил лапой и сломал ему ногу. Медведица вступила в схватку, и медвежонку удалось сбежать.

— Наверное, он всё равно погиб?

Цзян Жань, несмотря на свои вопросы, была внимательным слушателем, полностью погружённым в историю. Она смутно догадывалась, что Ци Лянь хочет сказать ей нечто важное.

— Наоборот, он выжил. Уже наступила осень, и медведица с детёнышем успели накопить достаточно жира. Хотя его было немного не хватало, медведица, ежедневно принося рыбу из леса к реке, дала ему шанс пережить зиму. Его раны зажили, и, хотя нога осталась хромой, опасности для жизни больше не было.

Цзян Жань слушала, всё больше увлекаясь.

— Папа, учиться готовить так тяжело. Может, я больше не пойду в магазин?

— Ты уже стала ученицей, нельзя просто так бросить. Руки болят? Давай, я помассирую.

Цзян Жань тоже не всегда была уверена в себе. Работа на кухне была изнурительной, иногда она плакала от усталости, иногда — из-за ругани мастера. Каждый раз, когда она чувствовала, что больше не может, она возвращалась домой и рассказывала отцу, а он терпеливо уговаривал её продолжать, массировал ей руки и учил не сдаваться.

— Ци Лянь...

— Да?

— Может, хватит этой истории?

— Что случилось?

— Я соскучилась по отцу.

— Тогда поезжай к нему. Сейчас можно и по видеосвязи, или я организую для тебя шаттл. Не переживай, ты не такая, как я. Я не могу покинуть Столичную планету, а ты можешь, — мягко сказала Ци Лянь.

Но это было не то. Тот человек, которого она называла отцом, и та забота, которую она когда-то получала, как маленькое деревце, были совсем другим.

Цзян Жань слабо улыбнулась:

— Ничего.

В двадцать первом веке она просто исчезла? Или умерла? Отец, наверное, будет горевать... Хорошо, что перед уходом она оставила достаточно средств, чтобы он мог жить безбедно.

— Тогда, может, я продолжу рассказ? — Ци Лянь ещё не закончила историю, и ей не хотелось останавливаться.

Цзян Жань кивнула:

— Расскажи. Что случилось с медвежонком?

— Они пережили ту зиму. Весной медвежонок всё ещё хромал, он стал калекой. Медведица не отпускала его, каждый день приносила еду, и так продолжалось два года. На третий год осенью медведица умерла от истощения.

Ци Лянь ещё не закончила, но Цзян Жань уже догадалась, чем всё закончится. Она молчала, слушая.

— Вскоре после её смерти умер и медвежонок. К тому времени он не только не умел охотиться, но даже забыл, как выйти из пещеры.

— Ты не медвежонок, ты сильная, не надо слишком много думать.

— Да, я сильная. Но, Жань, ты действительно так считаешь? — Ци Лянь по-прежнему улыбалась, рассказывая историю, которая, казалось, была трагедией, но она оставалась спокойной.

Цзян Жань не раздумывая кивнула:

— Конечно.

— Тогда почему ты даже боишься, что я не смогу поднять чашку? Ты кормишь меня пирожными, подаёшь воду, и кажется, что ты хочешь сделать за меня всё.

Цзян Жань не нашлась, что ответить.

— Видишь, в глубине души ты не веришь, что я справлюсь сама.

— Это не так, я просто хочу быть хорошей для тебя.

— Я верю. Я знаю, что у тебя нет плохих намерений, но я должна быть осторожной. — Ци Лянь прекрасно понимала, что Цзян Жань — замечательная девушка, которая, влюбившись, хотела дать ей всё самое лучшее.

Она понимала, но не могла позволить этому продолжаться.

— Я должна быть осторожной. Когда я потеряла зрение, я была так подавлена, что даже не могла ходить. Я пролежала в постели полгода, пока у меня не появились пролежни, словно я была старухой на смертном одре. Потом я попыталась сделать первый шаг и поняла, что за ним последуют многие другие. Я хотела сохранить свою самостоятельность, поэтому обычно отказывалась от помощи. Но этого было недостаточно, и мне пришлось долго тренироваться, чтобы избавиться от костылей, хотя и только в пределах поместья.

Она говорила это с улыбкой, словно вспоминая что-то забавное.

На самом деле теперь она считала те события ценным опытом, который научил её ценить свои усилия.

<http://bllate.org/book/15936/1424525>